

ДАЛЬНИЙ[®] ВОСТОК

2008

Российский
литературный
журнал

март **2** *апрель*

Валерий КРАВЧЕНКО

Седьмое небо Сергея Кевевтегина

Пятого апреля 2007 года Сергею Васильевичу Кевевтегину, уникальному мастеру корякской сцены, могло бы исполниться лишь шестьдесят...

Сергей был талантлив, скромен, безмерно артистичен. Его внутренний творческий потенциал, казалось, не находил себе места. Волнующие идеи, замыслы, мечты возникали бесконечно. Они гнали сон. Одаривали силой. Торопили... Он многое успел. Его триумф и его трагедия вошли в память Камчатки, как яркий назидательный урок. А пламенная страсть к искусству, которую вложил он в своих учеников, друзей, во многих душевных жителей Севера, еще долго будет ощутима на той прекрасной сцене, какой является сама Камчатка.

Стоял сентябрь ныне далекого 1972 года. В Палане шли дожди...

— Сегодня пойдем в лес, — сказал Сергей, как только в пасмурном распорядке дней наметился просвет. — Дам тебе сапоги, сменишь куртку...

Тропинка началась у дома. Она пересекла раскисшую дорогу и метнулась на сопку. Начался кустарник. Красные головки мухоморов мелькали под ногами. Нам было не до них: тонкие ветки так и старались хлестнуть по лицу.

— «Второе небо», — выдохнул Сергей и оглянулся.

Под нами лежала Палана — острый треугольник крыш.

— Юрта, — показал Сергей. — Вот смотри: низкий вход у моря, сопки вокруг. — Он провел рукой над Паланой, будто очерчивая только ему видимые контуры гигантской юрты.

— Палана шагает в тундру. Там, — кивнул он на красноватую от осени долину, продолжающую застроенный треугольник поселка, — будет большой город...

Подъем продолжался. Колкий кустарник сменился изломанной пляской берез. Душистый кедрач тянул навстречу чуть липковатые, холодные от дождей шишки... (Ах, как нужна человеку природа! Ее мудрое и целебное спокойствие. В лес лучше не ходить большой компанией, чтобы не занести с собой сумбур и суетность городской жизни. Одиночество в малых дозах — лекарство. Минуты наедине с природой — познание счастья.)

Просторные поляны, мелькнувшие вдаль, захватили Сергея. Он бросился вверх, по тропинке. Когда я вышел на поляну — остановился удивленный.

Юные березки стояли в ряд. Сергей, «взяв» их в свои партнерши, танцевал с каждой по очереди, напевая мелодию шопеновского вальса. Сила впечатления росла оттого, что я знал: Сергей не позирует. Нет! Просто взметнулась душа, запели руки — и закружился танцор по широкой поляне, как тысячу раз танцевал на клубных вечерах, в горах у оленеводов, на сценах, малых и больших.

— Нельзя танцевать без музыки, — как бы оправдываясь за мелодию Шопена, сказал Сергей. — Музыка — язык танца... Я так хочу играть на рояле...

И снова мы шли вверх, теперь уже часто останавливаясь и шумно дыша.

— Моя тропинка, — будто с гордостью за ее крутизну произнес Сергей. — Скоро наверху будем.

И вспыхнули листья. Метнулся ветер, ударил в лицо густым запахом осени. На встрепенувшихся травах сверкнули миллионы дождинок.

— Седьмое небо, — торжественно объявил мой проводник.

Мы находились на высшей точке сопки. Палана отдалилась от нас вглубь воображаемой юрты, к струистому серебру реки, зато дальние хребты будто выросли вместе с нами, стали круче, острее.

— Седьмое небо, — повторил Сергей задумчиво.

И я не выдержал:

— Это что же... Местные названия?

— Нет, — рассмеялся Сергей. — Когда я был в Москве, нас возили на Останкинскую телебашню. Оттуда, с «Седьмого неба», вся Москва видна. Вот я и нашел свое «Седьмое небо» здесь, в Палане...

Об этом путешествии с Сергеем Кевевтегиным я рассказал в газете «Камчатский комсомолец» тогда же, почти тридцать лет назад. Но и сейчас, изредка попадая в Палану, я всматриваюсь в сопку, пытаюсь взглядом разыскать тропинку к «небу». И — никогда не повторяю наш путь. Пусть там, среди загадочной поляны, в красе задумчивых берез, парит, танцует, наслаждается и отдыхает его надломленная, но необыкновенно светлая душа...

Сергей Кевевтегин всего один год не дожил до пятидесяти лет, хотя фактически ушел от нас еще раньше. Горький недуг, от которого не смогли его защитить даже самые близкие люди, лишний раз подчеркивает наше бессилие перед ним. Его, дивного коряка, не расстававшегося ни на миг со своим бубном, видели в последние годы жизни на рынке — поющим и танцующим. Он и тогда, в самый печальный период своей судьбы, поражал какой-то особой обнаженностью души. Он как бы кричал всем: «Песня и танец — вот все, что у меня осталось. А где же вы?..»

Мы видели его. Но, исчерпав до дна (так нам казалось) собственные силы, устало проходили мимо. Помню последнюю встречу с Кевевтегиным. Я делал пересадку на елизовский автобус в районе 10-го километра. За грязным стеклом автостанции я вдруг увидел Сергея. Он стоял внутри и пристально смотрел в мою сторону. Секунду я решал, что делать. Броситься к нему? Вновь попытаться образумить, выхватить из плена «огненной воды»?.. Я сделал вид, что не заметил одинокого танцора и быстро сел в подъехавший автобус.

Но этот кадр, последний в моей памяти, как самый грустный снимок, забыть я не смогу...

Родился он 15 апреля 1947 года в Верхней Парени, селе, которого уж нет на картах. С трех лет подрастал в Манилах, в устье Пенжина-реки, где море в час прилива вздымается на самую большую в мире высоту. Мама угасла рано, оставив отцу четырех сыновей. Василий Тынельхут, потомственный оленевод, женился снова. Так у Сережи появились две сестренки... Раздольно всем жилось. Сельский клуб в Манилах на ночь не закрывался. «Идем берегом, — вспоминал будущий хореограф, — там гармошка, там девушки поют... Я в детстве не задумывался об искусстве. Не размышляли об этом и мои земляки. Все совершалось естественно — от природы, привычек жизни, от памяти людской... Я наслаждался празднествами оленеводов, дивился красоте упряжек, терялся в долгой пляске у костра, где огненные искры летели к звездам, а от мелькающих кухлянок струился светлый пар...»

Особенно пленяла взор самозабвенно танцующая Айгине Аттоят. Именно она еще в пятидесятые годы своим мастерством даровала именитому в будущем манильскому ансамблю «Факел» неподдельную жажду творчества. Тогда, полвека назад, небольшая группа единомышленников Аттоят даже называлась ее именем — «Айгине». Они — Татьяна Анге, Зинаида Яйлина, Алексей Кечгелхот, Наталья Аттоят, Нина Сайта, Вера Амчех, Анастасия и Николай Плепо — составляли художественное ядро каждого праздника. Они, репетируя и выступая в крохотном сельском клубе, упрямо доказывали, что красота национальных плясок, родовых мелодий и обрядов достойна большой сцены... Аттоят, конечно, заприметила шустрого даровитого мальчишку, который всегда обнаруживался там, где возникали песня, танец. Не поучая, незаметно ввела она его в число своих «артистов». И он, Сережа, загорающийся от первого удара бубна, стал так блистать на сцене, что его, десятилетнего пацана, стали называть одним из первых... руководителей манильского ансамбля.

Мы, взрослые, не ценим зоркость детских глаз. По наивности мы считаем, что знаем тот час, с которого надо признать ребенка равным в своей «великовозрастной» среде. Мы — заблуждаемся. Но, может, так оно и лучше: зато мы не мешаем детям самим решать, что видеть, к чему прислушаться, чем удивиться... Сергей был благодарен собственному детству. Оно — его первый и важный учитель. Оно скопило в его чутком вольном сердце немыслимый багаж, к которому он обращался каждый раз, когда хотел найти ответ.

Багаж имеет имя, известное везде: «folklore», что переводится с английского как «народная мудрость». Именно фольклор (когда он не запятнан), где есть не только устные преданья, сказки, но и песни, танцы, даже театральность, идущие из глубины веков, способен в высшей мере выразить то национальное своеобразие, которым славен и отличен каждый — малый и большой — народ. Наверное, Сергей не сразу осознал необходимость собирательства и изучения увиденного. Не сразу разгадал свою миссию — стать просветителем. Но в нервной, восприимчивой его натуре уже настойчиво звучали голоса далеких предков, а красота земли удесятряла силы.

Он стал Учителем, как только в первый раз вышел на школьную сцену. Он безошибочно подсказывал, чем отличаются движения и пластика коряков тундровых от береговых. Он в творческом азарте спорил с худруком и предлагал решения, с которыми... все соглашались. Он на глазах послушных сверстников и удивленных педагогов неумолимо превращался в режиссера, хотя — по меркам школы — слишком рано становился взрослым.

Я думаю, что в культпросветучилище Хабаровска и далее — в столице, на кафедре хореографии института культуры (его наставником являлся замечательный профессор, народный артист РСФСР Игорь Валентинович Смирнов) Сережа Кевевтегин не мог слыть лишь талантливым студентом: ну кто и где откроет самобытному коряку (эвену, чукче, алеуту) его же тайны, обычаи, обряды, что только ожидают бережных исследовательских рук?! Конечно, Кевевтегин, учась законам режиссуры, классического танца, касаясь, узнавая великие искусства Европы, Азии, родной, но до конца не познанной России, не оставался в долгу перед своими учителями. В ответ он им дарил свои миры, свой философский взгляд из дали северных снегов на прошлые века, на мирозданье. Дарил свою культуру.

Ему рукоплескали. Журнал «Советский балет», повествуя о конференции столичного научного студенческого общества, как-то отмечал: «Большой интерес вызвал «Чавчувенский танец» (танец тундровых коряков) в интерпретации Сергея Кевевтегина, где элементы труда и быта корякских оленеводов, охотников получили самобытное пластическое решение». Конечно, сухо и академично изъясняется журнал. Иное дело — зрители. Их поражала, захватывала пластика камчатского танцора. Энергия и музыкальность композиций. Но более всего — духовная красота, что исходила от самого облика Сергея.

Верили ему и дома. Татьяна Петровна Лукашкина, Георгий Германович Поротов, Владимир Владимирович Косыгин (Коянто), которых можно без колебания зачислить в список первопроходцев национальных культур Камчатки, возлагали на Кевевтегина великие надежды. И помогали, как могли. Учили стойкости, умению противиться всем чужеродным веяниям, что без труда проникали в творчество, пытались исказить, нарушить чистоту и стройность вековых традиций. Впрочем, Сергей и сам был крайне строг к себе, своим ученикам, коллегам. Нет, он не отвергал достойное искусство своих соседей-северян. И в коллективах, где работал позже, с упоением воссоздавал картинки чукотских, эвенских, алеутских празднеств. Не принимал он одного — смешения культур. Не позволял бездумно выходить на сцену, пропагандируя наивную невежественность.

Еще в Палане, куда вернулся Кевевтегин из Хабаровска по окончании училища, все сразу поняли: этот парень пойдет своим путем. И даже ансамбль «Мэнго», куда, казалось бы, должна вести дорога обученного и столь одаренного танцора (там так нуждались в кадрах!), не стал его пристанищем. Роль методиста в окружном доме культуры, где он начал работать в 1968 году, давала Кевевтегину возможность двигаться — по спрятанным в снегах селениям, по тропам лучших знатоков природы — кочующих оленеводов... Хранители семейных очагов еще встречались. Сережа слушал стариков. Дивился искристой россыпи узоров, что появлялись на кухлянках неизвестных миру мастериц.

Врывался в танец, что внезапно вспыхивал огнем в морозном одиноком стойбище... Бывал Сергей и в Карате — диковинном селении, где, по признанию специалистов, в непревзойденной полноте и точности сберегся, жил корякский праздник «Хололо». Он наблюдал, как Анна Васильевна Колегова, Анастасия Васильевна Гуторова лелеяли ансамбль «Энер», как беспрерывно заботились о том, чтобы коллектив вбирал в себя все поколения сельчан — от памятливых старцев до непослушной детворы.

Уже тогда в нем, Кевевтегине, бурлил исследовательский дух, благодаря чему он становился носителем редчайших знаний, которыми (в таком объеме) не обладал никто.

Сергей стал четче осознавать проблемы культуры. И, помня собственное детство, направил взгляд на детвору и молодежь Паланы.

Создав танцевальный ансамбль с ласковым названием «Каюю» («Олененок»), взявшись за преподавание в окружной школе искусств, он обозначил цель примерно так: «Буду учить детвору, чтобы не повторили они те потери, что случались у меня». Но при этом добавлял: «Искусство общее, но почерк у каждого танцора — свой. Не надо заставлять ребенка быть таким, как его папа или друг... Человек — всегда загадка. Пусть он сам — свободно! — раскрывает свою индивидуальность». (Они, его питомцы, заметим в скобках, действительно творчески раскрылись. Известные ныне мастера национальной сцены Галина Федотова, Галия Айгина, Кирилл Ичанга, Гриша Пеппе, Алена Пономарева — все они — выходцы из «Каюю».) Попутно Кевевтегин объединил старших подростков Паланы в ансамбль бального танца, став там репетитором-постановщиком и исполнителем одновременно.

Так, собственно, еще до обучения в Москве (за несколько паланских лет) у Кевевтегина обозначились и вошли в круг его постоянных действий три главные темы, которым посвятил он жизнь: сбор и анализ фольклорных сведений, создание собственных национальных танцев, композиций и — подготовка молодых специалистов. В каждом из этих направлений он, как личность цельная, талантливая, смог сделать очень много. Хотя нетрудно предугадать, что именно к сорока пяти годам, когда он навсегда ушел из творчества, в нем накопились знания и опыт, которые сегодня были бы для творческой Камчатки первостепенными по уровню и важности. Увы, как и автор «Мэнго» Саша Гиль, как перспективный и неподражаемый балетмейстер Валера Етнеут, безвременно покинувшие нас, он не оставил письменных источников, других наглядных материалов (хотя бы — видеосъемок), способных стать подобием учебника. Осталось лишь то, что он успел «живьем» вплеснуть в своих учеников, коллег, друзей. Но человеческая память, как известно, имеет свойство растворяться — в потоке времени, под натиском текущих впечатлений...

Но мы — пока! — все помним.

Мы помним поразительные постановки, созданные фантазией Сергея Кевевтегина. Его первый «Корякский бальный», промчавшийся (в паре с Раисой Ефремовой) по сценам округа, Камчатки, всей России, десятки (сотни?) хореографических картин, основанных на подлинных традициях коряков, ительменов, чукчей. Мы помним его помощь сельским коллективам, где пытались создавать что-то свое, — в Ковране, Мильково, Усть-Большерецке, Эссо, на Командорских островах. Мы помним ненасытную и в максимальной степени продуктивную режиссерскую работу Кевевтегина на фестивалях «Золотые родники», на «Крашенинниковских» и «Поротовских» чтениях, на выездных мероприятиях артистов Петропавловска — в районах области, в Новосибирске, Магадане, Хабаровске, Москве. Сергей Васильевич непременно входил в группу режиссеров-постановщиков подобных групп, а зачастую назначался главным балетмейстером.

Мы помним Кевевтегина радостно шагающим с огромным бубном по главной улице столицы во главе камчатской делегации (на 1-м Международном фестивале фольклора) и самозабвенно отплясывающим на сцене Дворца съездов. Мы слышим его хрипловатый теплый голос, заполняющий гулкий Мраморный зал Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде на семинаре «Дети Севера: жизнь и творчество», и видим среди самых авторитетных представителей интеллигенции Корякского округа на конференциях в Ковране, Манилах, Палане. Мы не забудем собственные аплодисменты на празднике единения русской и ительменской культур «Коч-Ай» в безоблачном Мильково (как это важно — быть всем вместе!)...

Есть и пустоты в биографии Сергея. Они касаются тех горьких периодов, когда Сергей полностью отходил от работы, теряя время, силы и, увы, здоровье. По этой же

причине затянулась его учеба и в Москве. Лишь в 1983 году он возвратился в Палану с долгожданным дипломом. Но в «Мэнго», как и тринадцать лет назад (после Хабаровска), он не пришел.

Меня всегда тревожила, интересовала эта проблема — Кевевтегин и «Мэнго». Действительно: талантливый танцор, способный стать истинным украшением единственного национального профессионального коллектива, никогда там не работал. В чем дело? Этот вопрос я задавал Сергею еще в начале семидесятых. Молодой балетмейстер не стал лукавить: «В коллективе может быть только один руководитель», — твердо сказал он. Возможно, были и другие причины для некоторого отдаления от коллектива, который он, Сергей, несомненно, любил. Как мне казалось, у Александра Гиля и Сергея Кевевтегина имелись серьезные различия во взглядах на сам процесс развития национальной хореографии. Кроме того, каждый из хореографов имел свой индивидуальный почерк, который ни та, ни другая сторона не хотела менять. Случались и совсем досадные моменты: ходили слухи, что, мол, воспитанники Кевевтегина «не так научены», им трудно будет в «Мэнго».

Факты говорят об ином: Гиль и Кевевтегин никогда не избегали друг друга, отлично сотрудничали на сложных массовых мероприятиях. А выпускники Сергея Васильевича, пройдя блестящую практику в ансамбле «Уйкоаль», и по сей день успешно работают в теперь уже Академическом Государственном ансамбле танца Корякии.

Ансамбль «Уйкоаль» — самая светлая, результативная часть жизни Сергея. И его... лебединая песня.

В 1983 году в музыкальном училище решили открыть отделение национальной хореографии. Известный «Мэнго», многие самодеятельные коллективы Камчатки нуждались в хореографах. Но целый год работа в Петропавловске не клеилась. Помню бурное партийное собрание, где перечислялись беды нового отделения. И принятое решение: пригласить из Паланы Сергея Кевевтегина.

К 1 сентября 1984 года, когда корякский балетмейстер приступил к работе, он успел уже дважды объехать округ и отобрать для учебы одаренных ребят. Классы, коридоры музыкального училища наполнились рокотом бубна и энергией разгоряченных танцоров. Почти мгновенно Кевевтегин вырвался за рамки учебных программ и из своих студентов создал молодежный национальный ансамбль. Обрадованный Георгий Поротов тут же подарил ансамблю имя: «Уйкоаль». И, окрыленные поддержкой могучего писателя Камчатки, танцоры подняли свои крылья.

Начались первые концерты, гастроли. В училище кое-кто нахмурил брови: педагог Кевевтегин, мол, нарушает «стройный ход» расписанных занятий, да и вообще — уж слишком шумно стало в привыкших к академическому стилю аудиториях.

Но Кевевтегин был упрям. Он знал, что настоящего артиста воспитывает сцена. Он энергично расширял концертный репертуар. И постепенно довел число концертов до пятидесяти в год! С особенным волнением студенты готовились к зимним каникулам. Сергей Васильевич «загружал» своих студентов в вертолет, и — в путь. К оленеводам в северные стойбища, в селения, где никогда приезжих гастролеров не видали... Частенько к «Уйкоалю» примыкали писатель Владимир Коянто, солисты ансамбля «Мэнго» Даниил Яганов, Александр и Анатолий Мохнаткины, паланский баянист Федор Миллер, председатель окрисполкома Валентина Ивановна Успенская. Эти поездки, в которых мне посчастливилось участвовать, незабываемы. Мы побывали в местах, куда (так думаю) большинство из нас не попало б никогда. Мы познакомились с истинными хозяевами Севера, которые, как и их предки, продолжали кочевать по необъятным просторам округа!

Именно с ансамблем «Уйкоаль» Сергей Васильевич поставил свои лучшие композиции — «Ительменские хаюшки», «Оккен`елю», «Лирическую проходку», хореографический цикл «Олюторские девчата», танцевальные сюиты «Мучгин нутельхин», «Лената счастья». Именно с помощью своих учеников Кевевтегин блестяще разрабатывал новое — современное направление национального молодежного танца, за что коллективу присвоили звание лауреата премии Камчатского комсомола.

А они, студенты класса Кевевтегина, тоже познавали мир. Объехали пол-России. Трижды (!) выступали в Кремле. А осенью 1988 года тридцать три дня колесили по Индии, удивляя жителей жаркой страны жгучими танцами Севера. Восьмидесятичетырехлетний Святослав Рерих, пришедший на концерт «Уйкоалья» в городе Бангалор,

на бубне солиста Владика Ринтытегина оставил запись: «Камчатка! Всегда стремитесь к прекрасному!»

Собственно, этим — стремлением к прекрасному — и занимался Кевевтегин всю свою недолгую жизнь. За это он был награжден орденом Почета. Имел массу лауреатских дипломов и Золотую медаль ВДНХ. Этому — любви к искусству — он учил своих учеников. Теперь его воспитанники — Лена Пономарева, Ира Баранникова, Люба Долган, Валя Жданова, Ваня Курока, Владимир Бережков, Вася Баранников, Слава Нестеров, Лена Чечулина, Сережа Кавав, Лариса Авилова, Кондрат Яганов и многие другие — «рассыпаны» по всей Камчатке. Но их сердца, озаренные талантом Учителя, всегда принадлежат искусству.

Картина Вадима Санакоева, созданная в 1994 году и вошедшая в галерею «Скрижали Камчатки», многих сбивает с толку. Ее даже в некоторых изданиях опубликовали, развернув на 90 градусов. Действительно, художник, создавший уникальную коллекцию портретов артистов-северян и грандиозных, фантастических полотен танцующей Камчатки, с невыразимой болью и — восторгом отнесся к образу Сергея. Смятение чувств испытывает теперь каждый, кто приближается к картине. В чем-то схожий в данном случае с Врубелем, камчатский живописец поместил героя в бушующую снежную стихию, облек его в любимый Кевевтегиным наряд ворона — Кутха. И — переломил рисунок. Одно могучее крыло готово к дивному полету. Крыло второе в бессилии поникло вниз. Но — счастливо, светло лицо танцора. Оно как будто бы не знает боли. Оно устремлено туда, где красота души созвучна совершенству мира...

Художник знал, предвидел трагический финал. Всего семь лет Сергей Васильевич преподавал в училище, руководил ансамблем «Уйкоаль». В 1991 году все кончилось. Закрылось отделение национальной хореографии. Исчез молодежный ансамбль. Чуть позже распалась кевевтегинская семья... Но когда в последних числах марта 1996 года Камчатка навсегда прощалась с балетмейстером, никто не произнес обидных слов, никто не упрекнул Сергея за слабость, которая его сгубила...

Прекрасная и мудрая Камчатка все понимает правильно. Она умеет отбросить и простить — ошибки, слабость, поражения. И навсегда заносит в свою душу людей талантливых, безумно любящих ее... Сергей Васильевич Кевевтегин не случайно обрел в народе имя «первого корякского балетмейстера». И причина здесь, конечно же, не в том, что он одним из первых хореографов Корякии заполучил диплом в столице. Все — серьезнее и важнее: талантливая творческая деятельность Сергея, оставившая сильный след по всей Камчатке, его исследовательский дух, умение учить и приближать к искусству земляков — все это невозможно в полной мере оценить, узнать, запомнить.

Но мы пытаемся. Проводим фестивали в честь Кевевтегина. Гордимся его учениками. С любовью наблюдаем танец дочери — Евгении, пытаюсь заметить в ней искорки отца. И, думаю, не только я, попав в Палану, смотрю на сопку, куда любил — к «Седьмому небу» — восходить Сергей. Быть может, там, среди загадочной поляны, в красе задумчивых берез, парит, танцует, наслаждается и отдыхает его надломленная, но необыкновенно светлая душа...

